

Юрий Садомский

Зеленые глаза Зулейхи

Так есть ли в жизни место чудесам?.. С точки зрения атеистов – нет. Но атеисты люди скучные, у них слабо развиты фантазия и воображение. А у молодого писателя Гузель Яхиной с этими качествами дела обстоят отменно, потому и удалось ей создать роман «Зулейха открывает глаза», да так, что и с романом, и с его автором поистине чудо произошло. Иначе как объяснить ситуацию, что первый роман молодого автора получает всеобщее признание и вместе с ним сильное неприятие части критики, и в дополнение несколько престижных премий, в том числе премию «Большая книга»... Так что с отрицанием чудес стоит повременить, тем более что жанр книги «Зулейха открывает глаза» таит в себе, именно таит, а не хранит, определенную жанровую многослойность, начиная от романного реализма и вплоть до притчевой иносказательности.

В чем же реализм романа, более того – «эпохальный» реализм? А в том, что действие романа разворачивается в 30-е годы, и называется это время «эпоха коллективизации и индустриализации страны», то бишь СССР. О жертвах и злодеяниях сталинского режима той поры известно всем, как гражданам бывшего Союза, так и за его пределами, и лишь очень ленивый не кинул камень в то уже далекое время.

Множество книг различной значимости написано про события той поры, включая книги писателей-гигантов, как то Михаил Шолохов, Андрей Платонов, Юрий Нагибин и еще достаточного количества авторов различного калибра. Все произведения накалены страстным осмыслением того периода, как правило, бескомпромиссным со знаком плюс либо со знаком минус. Да оно и понятно:

тысячи и тысячи загубленных жизней, несметное количество поломанных судеб не могут восприниматься созерцательно...

Вот и в романе «Зулейха открывает глаза» с первых страниц, да что там страниц, с первых строк мы окунаемся в ледящий душу кошмар глухой татарской деревни. Кошмар лютой зимней стужи и не менее лютого мракобесия деревенского домостроя, где «мокрая курица», как называет безропотную Зульхию ее свекровь Упыриха, хрестоматийный образец домостроевской тирании образца Кабанихи из «Грозы» Островского, с той разницей, что Кабаниха лютовала в первой половине XIX века, а незрячая садистка Упыриха доживает свой век сто лет спустя...

Гузель Яхина скрупулезно живописует один день жизни Зульхии, с этого дня, по сути, начинается роман, и этот день говорит о предыдущей жизни Зульхии, насквозь пропитанной дремучими языческими предрассудками, тотальным бесправием женщины-жены, звероподобной тиранией свекрови и безоговорочным послушанием мужа Зульхии по имени Муртаза своей лютой матери. Но тем не менее Зульхия убеждена, что у нее хороший муж; он сам выбрал щуплую малосильную девушку Зульхию себе в жены, привел в дом, защищает от тирании матери, регулярно исполняет супружеский долг, регулярно бьет, одним словом, Муртаза хороший муж, и ей повезло.

Себя же Зульхия, напротив, ощущает плохой женой, неполноценной, достойной порицаний Упырихи, уже потому, что не получается у нее рожать здоровых детей: троих девочек родила Зульхия, и все они умерли в младенчестве. Только и остается, исполняя языческие обряды, задабривать дух кладбища «Зирайясе», умоляя оберегать могилы детей... Меж этих могил находится и тайный схрон, вырытый Муртазой, куда он с помощью Зульхии привозит и прячет мешки с посевным зерном, узнав накануне о долженствующем прибыть отряде уполномоченных по коллективизации...

Муртаза, не желая отдавать добро, убивает топором корову, расчленяет ее на мясо, собирается так же поступить с лошадью, но Зульхия виснет на нем, не позволяя сделать это...

Тут и появляется Иван Игнатов во главе отряда красноармейцев и местной бедноты... Муртаза, ослепленный ненавистью,

замахивается топором на Игнатова, тот успевает выхватить револьвер и застрелить Муртазу на глазах у Зульхии...

...С этого дня начинаются нескончаемые мытарства Зульхии, не только физические, но и мытарства женщины, взрослой на скрижалях ислама... Ее выселяют из дома и вместе с такими же «раскулаченными» бедолагами отправляют в неведомую мистическую Сибирь, путь в которую лежит через досель невиданную Казань, через святотатскую ночевку в мечети, где вынужденно спят рядом мужчины и женщины, не стесняясь и не чураясь блуда...

Так оканчиваются сутки жизни Зульхии, а дальше Гузель Яхина постепенно знакомит нас с другими персонажами романа, начиная с профессора казанского университета Вольфа Карловича Лейбе. Профессор медицины Лейбе, выживший из ума старик, живет в скорлупе сказочного яйца, в которой он, профессор Вольф Лейбе, по-прежнему надевает вычищенный обожаемой им домработницей Груней мундир и идет преподавать студентам, идет делать сложнейшие операции в особо почитаемой им отрасли медицины – гинекологии... Но все эти действия, увы, лишь результат пребывания в «сказочном яйце», то есть в безумии, где обретается профессор, а на самом деле... есть лишь кабинет и одна комната, что остались ему от большой профессорской квартиры, превращенной в коммуналку, где домработница Груня, как ему кажется, ухаживает за ним и чистит его мундир. В действительности же Груня под диктовку сожителя пишет донос на Лейбе, рассчитывая, что арест старика позволит ей занять его комнату. Расчет оправдался...

...И оказался профессор Вольф Лейбе в одной теплушке, на одних нарах рядом с татарской крестьянкой Зулейхой Валеевой в многомесячном путешествии-скитании в неведомую пугающую Сибирь...

Как уже говорилось, литературы о лихих годах коллективизации, о жутких преступных проявлениях сталинского беззакония написано бесчисленное количество, всего и всякого. Эта тема стала общим местом в отечественной литературной историографии. Но почему при несомненной избитости темы роман Гузель Яхиной читается с напряженным интересом, почему он не травми-

рует сознание, не вызывает отторжение у читателя сцен жестокого насилия?

Роман «Зулейха отрывает глаза», как все по-настоящему талантливые произведения, хранит в себе некую тайну, а тайны, как правило, алогичны, противоречивы и парадоксальны. Вот эту тайну, тайну творческого подхода в рассмотрении трагического периода огромной, заселенной великим множеством народов и народностей страны, своеобразно увиденную и не менее своеобразно отраженную молодой женщиной и начинающим автором Гузель Яхиной, интересно попытаться постичь...

Начало разгадки, думается, следует искать в том, что автор нашумевшего романа – женщина, притом восточная женщина мусульманской закваски. Думается, неспроста множество раз в романе упоминаются зеленые глаза Зулейхи: как тут не вспомнить, что зеленый – это цвет ислама? А теплушка, в которую уполномоченный НКВД Иван Игнатов погружает «раскулаченных» и «бывших», сродни ветхозаветному Ноеву ковчегу, где каждой твари по паре... Тут и татарские, и не татарские крестьяне, тут ленинградские интеллигенты, духовенство и мастеровой люд, и даже уголовник, куда же без них...

Нескончаемый мучительный путь полон мрачными событиями: голод, ужасающая антисанитария, смерти младенцев и стариков... Но!.. Начинают мерцать мистические искры метаморфоз. «Искрит», когда жесткий и бескомпромиссный коммунист Игнатов жестко и бескомпромиссно выбивает у начальства улучшение кормежки для голодающих в теплушках переселенцев... Но!.. Особо знаковым событием становится известие о том, что измученная, обессиленная, истощенная Зулейха – беременна...

Первым это слово произносит старый профессор Вольф Лейбе, опытным взглядом ученого-медика он определяет не только сам факт, но и количество недель беременности Зулейхи, как это принято в гинекологии, которое в точности совпадает с последней ночью, проведенной Зулейхой с еще живым мужем Муртазой...

С изумлением нужно отметить мистическую константу: в безумных фантазиях профессора наступает выраженная ремиссия, его разум обретает логическую устойчивость, не теряя при этом привлекательных особенностей прежнего безумия.

Осознание Зулейхой факта своей беременности становится потрясением, оно обрушивается на нее мистический калейдоскоп – мерещится Упыриха с ее пророчествами-проклятиями в адрес Зулейхи за то, что не может она родить здорового ребенка, предсказания о скорой и неизбежной смерти Зулейхи... Но сейчас беременность Зулейхи ставит под сомнение пророчества, которым она безоговорочно верила. Беременность взваливает на Зулеху ответственность за новую жизнь, которую она вынашивает, притом у нее нет сомнений, что родится опять девочка – и вскорости умрет, как все предыдущие...

Беременность Зулейхи усиливает мистические всполохи в темной и мрачной теплушке переселенцев. Вынашиваемая Зулехой в их присутствии новая жизнь освещает и освящает попутчиков Зулейхи, включая Ивана Игнатова, у них мобилизуются внутренние резервы духовных сил, что придает им силы физические... Вскорости они им понадобятся, и понадобятся в немалом количестве, как одни, так и другие...

...Это произойдет, когда наконец окончатся мытарства железнодорожного пути, и переселенцы будут погружены в трюм ржавой и ветхой баржи, и Игнатов собственноручно запрет трюм на ржавый, как сама баржа, замок, и все это поплывет по Енисею, а затем по Ангаре, и ночью случится буря, и старая баржа станет тонуть, а Игнатов не сумеет открыть ржавый замок, и две сотни переселенцев уйдут вместе с баржой на дно Ангары... Только несколько человек, находящиеся не в трюме, а на палубе, сумели спастись, в их числе Зулейха, которую спас и вытащил на берег сам Иван Игнатов...

И на совершенно диком берегу таежной Ангары начинается фантазмагорическая жизнь кучки людей. Иначе как мистической и ирреальной ее назвать невозможно: накануне сибирской зимы, без необходимого инструмента, без теплой одежды, без провианта, а только с несколькими одноручными пилами и небольшим мешочком револьверных патронов, что подвез на своем катерке следовавший за баржей оперуполномоченный Ефим Кузнец, остались эти несколько человек на диком таежном берегу в надежде, что Ефим Кузнец вернется через месяц с продуктами, строительным инструментом и новой партией ссыльных... Так он обещал Игнатову...

Не правда ли, история, от которой стынет кровь? Но роман Гузель Яхиной читается, тем не менее, если не с легкостью, то уж точно с удовольствием. Не потому ли, что при всем жестоким реализме роман написан с присущей восточным женщинам мудростью, которая, в свою очередь, пропитана притчевой поэтикой...

Наиболее существенное, что отличает роман Яхиной о репрессиях 30-х годов от других произведений на ту же тему других авторов, в том, что у нее этот период выражен как проявление социальной стихии, сродни наводнению, извержению вулкана либо засухе, и клеймить эти проявления или осуждать их бессмысленно и нелепо... Тем более что природные катаклизмы обладают не только разрушительной, но и могучей живительной и преобразующей силой. Только они в состоянии в значительной степени, а то и коренным образом преобразить устоявшийся и потому утративший жизнеспособность порядок вещей. А социум как гармоничная часть бытия также подвержен катаклизмам, над которыми не властна воля человека. Иными словами, во всем боля Божья (или Аллаха, что, в сущности одно и то же), и это очень близко мировоззрению восточного человека...

Поэтому то, что начинается происходить и обретает реальность на берегу Ангары, вполне соответствует понятию «промысел Божий»: накануне сибирской зимы кучка людей, в основном пожилые интеллигенты из Ленинграда – Изабелла Леопольдовна, профессор агрономии Константин Арнольдович Сумлинский, живописец Илья Петрович Иконников, профессор-медик Вольф Карлович Лейбе, мастеровой человек однорукий Лука, «глубоко» беременная и потому немощная крестьянка Зулейха, уголовник и мерзавец Горелов и, наконец, поставленный над этими «робинзонами» оперуполномоченный Иван Игнатов, одноручными пилами начинают рыть-выцарапывать землянку, одновременно под руководством многоопытного Луки этими же пилами сооружать бревенчатое покрытие, в то же время заготавливать дрова на долгую зимнюю пору... А Иван Игнатов в тайге револьвером добывает тетерева, из которых Зулейха и Изабелла Леопольдовна варят похлебку, и все ждут прибытия Зиновия Кузнецова... Обещал ведь...

Надежда на спасительное явление Кузнеца слабеет, но сила духа горстки людей, наоборот, крепнет. Они начинают ощущать в себе неведомые ранее силы и возможности в преодолении немислимых невзгод, чем вызывают у Игнатова раздражающее его чувство уважения и... желание во что бы то ни стало спасти этих людей. Игнатов корит себя за невольные «слабости», что пришли на смену «здоровой» классовой ненависти, привычной и надежной...

И тут вот грянуло вроде ожидаемое, но в то же время совершенно внезапное – роды Зулейхи...

Вольф Лейбе, оглядев и прощупав изнемогающую от боли роженицу, сразу оценил, что плод лежит неправильно, родить Зулейха не сможет, и он... решается...

Эта сцена, сцена разрешения от бремени Зулейхи, несомненно, вершина литературного мастерства Гузель Яхиной в данном романе. Откровенно физиологические подробности того, как голдой рукой, омытой самогоном, бутыл которого оставил Зиновий Кузнец, Лейбе проникает в чрево Зулейхи, на ощупь поправляет в нем плод и с превеликой осторожностью извлекает его на свет Божий... Но в процессе этого немислимого священнодействия происходит еще одно чудотворение: скорлупа фантастического яйца, в котором находилась голова пораженного безумием профессора, начинает трескаться и разламываться, и к концу священнодействия профессор Лейбе целиком освобожден от своего сладостного безумия...

Для Зулейхи завершение ее беременности есть также освобождение от устойчивого ощущения ущербности. Она родила не девочку, обреченную, как все предыдущие, на скорую смерть, а мальчика, за жизнь которого будет бороться, и силы для этого черпает от тепла тельца малютки, от дыхания и лепета крохотного Юзуфа – так Зулейха назвала сына...

А сил нужно великое множество не только Зулейхе, но и всей малочисленной колонии. Пришла зима с положенной сибирской суровостью, Ангара замерзла и стала, а также стало ясно, что рассчитывать на спасительное прибытие Зиновия Кузнеца более не приходится. В лицо переселенцам явственно повеяло смертным дыханием неминуемой гибели от голода, холода, болезней...

Но... Иван Игнатов с жестокой непримиримостью поднимал с рассветом колонистов и гнал их в тайгу на заготовку дров под приглядом подлого уголовника Горелова, а сам, изготовив снего-ступы, отправлялся на охоту. И эта жестокость Игнатова спасала переселенцев, она заставляла их находить в себе силы сражаться за жизнь. И они их находили.

И перезимовали... Еле живые... Но живые. В полном отчаянии, но с надеждой... И как бывает, очень редко, но бывает, когда та самая, что с косою и дышит могильным хладом, но тут... появился из-за поворота Ангары катерок Зиновия Кузнецца, а за ним баржа с парой сотен новых «раскулаченных кровососов»...

Увидя искаженное злобой лицо Игнатова и направленный на него револьвер, но уже с пустым барабаном, Зиновий Кузнец не испугался, а очень искренне и очень цинично удивился тому, что Игнатов жив и, более того, сохранил жизнь всем переселенцам...

С того момента на месте крохотной стоянки оборванных, заросших, невымытых, но не утративших человеческий облик людей зарождается и растет не просто поселок, но своеобразный городок-полис по подобию греческих полисов... Отсутствие озлобленности у «первопроходцев» стала основой хозяйственной и нравственной жизни народившегося поселка Семрук. И обе эти ипостаси нежданно рожденного общественного организма формируют и оттачивают характеры и личностные качества «колонистов». Уже не землянка, а деревянные бараки, построенные собственными руками, служат им кровом, построен лазарет, где священнодействует Вольф Лейбе, Изабелла Леопольдовна погружена в педагогические потуги, Константин Арнольдович Сумлинский творит чудеса практической агрономии, создав не насильственный, а действительно добровольческий колхоз. Построен поселковый клуб, и по инициативе Зиновия Кузнецца он должен быть идеологически правильно оформлен. И тут пришел звездный час живописца Ильи Петровича Иконникова. Он вытребовал у Кузнецца покупку немалого количества красок, кистей и прочего необходимого материала, по памяти написал множество видов Парижа, Петербурга, расписал стены и потолок клуба, создав своеобразный храм, роспись которого символизировала устремленность

к сияющему совершенству. Малограмотный, но сильно пьяный Кузнец после мучительных, но кратких раздумий работу Иконникова одобрил.

А Зулейха?! Хрупкая, безропотная, «мокрая курица», как называла ее Упыриха... А Зулейха, защищая в тайге младенца Юзуфа, застрелила медведя, что стало трамплином для превращения ее из помощника повара и уборщицы при лазарете в промышленного охотника, и преуспевания в этом сугубо мужском деле.

Но еще Зулейха впервые почувствовала себя женщиной, она впервые полюбила, полюбила страстно и самозабвенно, и это чувство в ней было обострено отчаянием, так как полюбила она убийцу своего мужа Муртазы, а именно – Ивана Игнатова. Долго и мучительно сопротивлялась она чувству, но... Увы...

Увы, потому что Юзуфа чуть не разорвали волки, когда он пошел встречать ее с охоты, Зулейха успела спасти сына, постреляв волчью стаю, но этот случай и приходящая во снах укоряющая ее Упыриха поселили в душе Зулейхи уверенность, что случай с Юзуфом – расплата за любовь, или, как утверждала снотворная Упыриха, за греховный блуд с Игнатовым. И Зулейха решительно и бесповоротно прерывает эту связь, несмотря на все усилия Игнатову удержать ее.

Так шли годы, формировался и окреп физически Юзуф. Вопреки таежной и ссыльной дремучести окружающей среды Юзуф развивался под влиянием образованных и интеллигентных людей, что не могло не иметь последствий. Живя рядом с Вольфом Лейбе и наблюдая его в работе, Юзуф, к великой радости профессора, увлекся медициной. Старик Лейбе со всем жаром, присущим его романтической натуре, взялся обучать Юзуфа премудростям медицины, восторженно надеясь, что Юзуф придет ему на смену в Семруковском лазарете. Однако Юзуф все чаще захаживал в клуб, в мастерскую Иконникова. Сперва с любопытством, а затем с нарастающим вниманием приглядываясь к волшебным превращениям красок в волнующие непостижимой красотой виды Парижа и Ленинграда. Эта увлеченность постепенно переросла в страстное желание научиться этому колдовству, и он стал пробовать себя в живописи под ревнивым и придиричивым вниманием Иконникова.

Война... Она грянула в немыслимой дали от таежного Семрука. Долго ее отзвуки добирались до поселков «классово чуждых». В действующую армию этот контингент не брали. Но до поры до времени. Потери на фронте убитыми и пленными были столь велики, что не до жиру, и просьбы добровольцев среди ссыльных и даже заключенных стали удовлетворять. Это обстоятельство обеспокоило Зулейху – призывной возраст Юзуфа был не за горами. А у Ильи Петровича Иконникова призывной возраст был давно позади, но тем не менее, он упорно настаивал и добился своего. Илья Петрович убыл на фронт, и ни единой весточки от него не приходило. Это никого не изумляло, это вызывало лишь горестные вздохи...

Война как высшая форма общественного несчастья обостряет и проявляет суть личности. Не минул сей тест убежденного борца за новую светлую жизнь, красноармейца, а ныне младшего командира НКВД Ивана Игнатова. Прибывший в очередной раз с очередным количеством водки Зиновий Кузнец извещил, что многочисленные просьбы Ивана отозвать его из затянувшейся командировки и даже повысить в звании могут быть удовлетворены. Надо всего лишь ему, Ивану Игнатову, проявить революционную бдительность и выявить среди поселенцев Семрука пару десятков «заговорщиков, пораженцев и паникеров», и списочек сей предоставить Кузнецу, а уж он сумеет добыть признательные показания. Ну и вознагражден будет Иван как положено, аттестационный лист на него уже заполнен, остается только подписать. Дисциплинированный, не терпящий беспринципных компромиссов большевик Иван Игнатов выпил раз, выпил два и... разразился возмущенной тирадой: мол, его, верного стража революции, не раз глядевшего в глаза смерти, пытаются спровоцировать, проверить, готов ли он совершить беззаконие, и он просит, чтобы Зиновий передал им: это никому не удастся. Кузнец помутневшим от выпитого взором смотрел на Ивана, понимая: Игнатов валляет Ваньку, не желая участвовать в гнусности, затеваемой Кузнецом. Дыша пьяными испарениями друг другу в лицо, они совершенно трезво осознали: этот разговор – рубеж между ними и начало далеко идущих последствий.

Шла война. Дошли до Игнатовых слухи, что в одном из поселений на Ангаре выявлена организованная «группа вредителей», часть из которых расстреляна, часть получила длительные сроки. Игнатов понял: недалек его час.

Лес не любит шума, тайга не исключение. Тихонько прошелестело по таежным поселениям известие, что война окончилась. Никаких шумных ликований и торжеств в Семруке не наблюдалось, только стали прибывать новые партии «неблагонадежных». И вдруг пришло письмо на имя Юзуфа. Ни имя, ни обратный адрес отправителя не были Юзуфу знакомы. В письме не было ни единого слова, но были рисунки с видами Парижа. Юзуф понял: это послание от Иконникова, и тот ждет Юзуфа.

У Юзуфа давно вызрело желание добраться до Ленинграда и поступить в Академию художеств. У него не было сомнений, что его примут, главное – добраться до Ленинграда. Но как? Способ один – бежать из Семрука. Юзуф был убежден, что если он доберется до академии без документов, только со своими живописными работами, то обязательно будет принят. Письмо от Иконникова стало детонатором во взрывном замысле Юзуфа. У него давно была припрятана лодка в зарослях на берегу Ангары, на ней Юзуф и намеревался доплыть до Красноярска, а там... как Бог даст добираться в Ленинград.

О замысле Юзуфа с ужасом узнала Зулейха. Но еще больший ужас у нее вызывало осознание, что ни ей и никому другому не удастся отговорить Юзуфа от безумной затеи. Тогда она решилась. Она пошла к Ивану Игнатову.

Игнатов тоже решил. Не на то, к чему готовился Юзуф. Игнатов решил на противоположное, он решил остаться в Семруке навсегда.

Накануне после долгого отсутствия прибыл в Семрук Зиновий Кузнец, уже в полковничьих погонах, и привез приказ, который с привычным спокойным цинизмом вручил Игнатову. Приказ гласил, что Игнатов лишается своего и без того невысокого офицерского звания, более того, он увольняется из органов как не оправдавший доверия, а вместо него комендантом Семрука назначается восстановленный во всех правах уголовник Горелов.

Но... великая милость Кузнеца: он разрешил Ивану остаться жить в Семруке.

Пять минут дал Кузнец на сборы. Игнатов достал из сейфа метрику – «Юзуф Валиев 1930 года рождения», кинул ее в жерло печи, чиркнул спичкой. Побежал огонек по сухой бумаге... Затем извлек чистый бланк метрики и вписал в нее: «Иосиф Игнатов, 1930 года рождения. Мать: Зулейха Валиева, крестьянка. Отец: Иван Игнатов, красноармеец»...

Ставит печать, прячет метрику в карман и стремительно, насколько позволяет хромота, идет к Зулейхе.

«– Скорее пусть уходит, – сказал он. – Немедленно, сейчас.

Зулейха засуетилась, кинулась собирать вещи, еды какой.

– Некогда, – Игнатов положил ей руку на плечо. – Так пусть идет, пустым.

В правый нагрудный карман ветхого, истертого до легкости пиджака с разномастными пуговицами Юзуф положил два письма, в левый новую метрику и толстую пачку мятых разноцветных купюр – тоже Игнатов дал. Зулейха столько денег в жизни не видела. Вот и все, что взял с собой. Она даже не успела сказать Игнатову спасибо – тот ушел быстро, как исчез. А Зулейха с сыном побежали в тайгу, к утесу, где была спрятана старая лодка.

Все!.. Роман окончен. Но осталось тревожное чувство недосказанности. О чем роман? О страшном периоде репрессий?.. Но герои романа не ропщут по этому поводу. О человеческих страданиях? Может быть. Сразу вспоминается древняя мудрость: «страдания совершенствуют душу». Действительно, на протяжении действия романа герои становятся притягательнее, ярче, трепетнее в духовном развитии. Все, кроме законченного мерзавца Горелова, в котором совершенствовалась только мерзость. Даже человек с иезуитскими наклонностями Зиновий Кузнец чувствует некие угрызения совести в конце романа, когда говорит Игнатову: «Не нужен ты мне в органах, Ваня. Ни здесь, ни где еще». Присутствие Ивана Игнатова в единой с Кузнецом среде делает эту среду для Кузнеца неудобной и токсичной для него...

Писатель изначально и до самого конца погружает героев романа в атмосферу первородности и первозданности, будь то глухая татарская деревня или жуткая железнодорожная теплушка,

или же таежная глухомань, где отовсюду веет гибелью. Но когда все сие подсвечивается волшебным светом человеческой красоты и тепла, то рождается гармония, и она побуждает читать роман, а читая – сопереживать и наслаждаться.

«Зулейха открывает глаза»... Чьи глаза открывает Зулейха? Только свои? Или наши тоже? И на что Зулейха открывает глаза?

Несомненно, что Зулейха открывает глаза на новое звонкое имя – Гузель Яхина, которое появилось в российской литературе.

